

таможенно-тарифных, санитарных, технических и иных ограничений на границах. В результате консолидированных действий местные власти Белгородской области России и Харьковской области Украины добились максимально упрощенного в нынешних условиях режима циркуляции людей, товаров, услуг и денежных средств в приграничной зоне. Это очень важный результат, поскольку мировая практика региональной интеграции свидетельствует о том, что следующим шагом в данном направлении может стать создание зоны свободной торговли и даже экономического союза двух областей, проект которого под названием «Слобожанщина» уже усиленно прорабатывается на разных уровнях властной вертикали. При наличии устойчивой политической воли руководителей двух сопредельных областей и развития соответствующего государственного и местного законодательства, идея региональных союзов может уже в скором времени обрести реальные очертания и приносить ощутимую экономическую и политическую пользу. В долгосрочной же перспективе такие «точечные» очаги регионального сотрудничества (планируется, например, создание еще одного регионального объединения в составе Брянской области России, Черниговской области Украины и Гомельской области Беларуси под рабочим названием «Днепр») должны слиться в единую зону экономического роста, социально-политической стабильности, правовой защищенности всех субъектов деятельности. Это пространство плавной дугой опоясывает южные пределы нашего государства, превращая таким образом эти извечно проблемные территории в своеобразную модель содружества братских народов и государств, генератор интеграционного развития в рамках «большого» СНГ. Резюмируя сказанное, осталось отметить, что наша малая Родина – Белгородчина – обладает исключительными политико-стратегическими возможностями в этой сфере и является одним из лидирующих регионов Юга России. Постепенно освобождаясь от традиционного для порубежья имиджа милитаризованной зоны, область активизирует свои созидательные и творческие силы на благо укрепления российской государственности и консолидации славянства.

*Мотовникова Е.Н.
г. Белгород, Россия*

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.Н. СТРАХОВА

В русском публицистическом процессе XIX века славянский вопрос является сквозным и трудным для всех его участников. Никак не мог его обойти и Н.Н. Страхов, один из крупнейших русских публицистов, вступивший на поприще литературно-художественной критики на рубеже 50-60-х гг., в то время, когда публицистическая мысль была проникнута разного рода социально-философскими настроениями и интенсивно развивалась именно философски. Н.Н. Страхов предпочитал усматривать общие смыслы славянского вопроса в понятиях органической диалектики, склонность к которой он особенно выказывал в общении с философски близким ему А.А. Григорьевым¹. При-

¹ Еще в 1858 г. Ап. Григорьев настаивал на истинности шеллингианского тезиса: «Развиваются – если можно уже употребить теперь это слово – народные организмы, нося в себе следы более или менее отдаленной принадлежности к первоначальному единству рода человеческого, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Каждый таковой организм, так или иначе сложившийся, так или иначе видоизменивший первоначальное предание в своих преданиях и верованиях, вносит свой органи-

нимая активное участие в борьбе за признание читающей и мыслящей публикой почвеннического направления в развитии русской литературы и русской философской публицистики, Н.Н. Страхов выступал с полемическими статьями в журналах «Время» и «Эпоха». Статьи эти писались с позиции самобытности органического развития прежде всего русского славянского народа и направлялись как против европоцентричных западников, так и против весьма авторитетных в те годы славянофилов, в чьих взглядах вскрывались слабости и ошибки. По существу, основания этих позиций оставались для Страхова незыблемыми всю жизнь.

«...Искусство по самой своей сущности национально. Самое творчество заключается главным образом в создании типов, то есть образов, представляющих нам определенный, органически-цельный, и следовательно носящий на себе печать известной народности, склад душевной жизни. <...> Критику, которая рассматривает искусство в такой тесной связи с жизнью и видит в нем не какое-то простое отражение жизни, а ее руководящий орган, Ап. Григорьев называл органическою <...> Отвлеченное требование народности от литературы есть мысль очень простая; наши славянофилы, выходя последовательно из своих начал, давно и твердо ее заявили, и пытались с этой точки зрения анализировать нашу литературу. Но они обыкновенно приходили к тому, что, за немногими исключениями, отрицали самостоятельность и, следовательно, народность наших художественных писателей. Таким образом от глаз этих мыслителей ускользнуло именно то, что должно бы их всего более радовать; они не видели, что борьба своего с чужим уже давно началась, что искусство, в силу своей всегдашней чуткости и прозорливости, предупредило отвлеченную мысль. Наша литература есть драгоценное и высокое явление нашей жизни; поэтому разгадать внутреннюю силу ее развития, смысл ее движения есть глубокая и важная задача» [2]. Не будет преувеличением сказать, что выполнению этой задачи Н.Н. Страхов посвятил всю свою жизнь, что «знамя» «борьбы своего с чужим» в литературе, как, впрочем, и в науке, в общественной и творческой жизни было его единственным «знаменем».

И так же верен он остался принципам григорьевской органической критики, указывающей на бесплодную ограниченность западного рационалистического теоретизма и на утопичность славянофильских проектов возрождения допетровской Руси. «Бедна наша литература, и скудно наше умственное развитие; но всего прискорбнее то, что мы вечно, то с той, то с другой точки зрения, плюем на эту литературу и на это развитие. <...> Ее содержание, ее стремления и задачи гораздо обширнее и важнее, чем думают многие ценители; западники находят ее славянофильской, славянофилы – западнической; но она ни то ни другое» [3].

Особую сложность выполнения взятой на себя серьезной задачи выявления специфики славянского национального духа составляли для Н.Н. Страхова внешние и внутренние ограничения свободы выражения мыслей, от чего он не мог или не хотел уклониться: жесткая политическая цензура, статус государственного чиновника, понятийно и логически строгое научное мышление, довольно грубые нравы журнальных полемистов 60–70-х гг. и т.п. Писать одновременно честно, глубоко и занимательно в таких условиях было весьма непросто. Н.Н. Страхова неоднократно упрекали в неискренности, недосказанности, избытке критики, требовали простого и ясного провозглашения своей

ческий принцип в мировую жизнь. <...> Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое, есть правда души человеческой». [1]

положительной программы. Он вполне понимал истоки этих упреков и требований, неготовность, неумение большей части читательской аудитории мыслить и домысливать самостоятельно, признавал свою обреченность быть писателем «для немногих»: «У нас совершалась и совершается темная и таинственная история борьбы неясных начал с ясными, зачатков с развитыми формами. Смысл этой борьбы будет нам вполне ясен только тогда, когда она кончится, когда наступит примирение и в нем обнаружится, чего искали, к чему стремились борющиеся силы» [3]. В отсутствие примирения, в обстановке потакания газетных и журнальных редакций вкусам разобщенной, разбившейся на партии публики Н.Н. Страхов вынужден был скрывать самые главные свои мысли о высших духовно-религиозных началах национальной русской и славянской самобытности, беречь их от поругания с разных сторон. Для того чтобы высказаться хоть намеком, он использовал форму критики, в основном, рецензии на социально-исторические статьи и книги, выходящие в Европе и России.

Интересный случай в этом роде представляет небольшая статья Н.Н. Стрехова «Славянофильство и Гегель» (1864), из серии статей в «Эпохе» под общим заглавием «Заметки летописца» [см.: 4]. Большую часть объема этой статьи занимает перевод письма П.Я. Чаадаева Фр.В. Шеллингу о том, что славянофильство в России является производным от влияния гегельянства. Очень аккуратно Страхов замечает, что, «конечно, верно и не подлежит никакому сомнению, именно, что славянофильство развилось у нас под влиянием немецкой философии, хотя может быть не исключительно под влиянием Гегеля, как полагает Чаадаев» [4]. И тут же переакцентирует внимание на важное обстоятельство такого влияния и еще более важные следствия из него: «как скоро речь пойдет о народе, понимаемом не как простое скопление человеческих неделимых, то уже по словам видно, откуда мы взяли форму для этих мыслей. Тут непременно будет – органическое целое и развитие, самобытность и заимные формы, народный дух и его проявления и др. Одним словом мы не можем говорить о народе иначе, как словами или прямо немецкими, или переведенными с немецкого, т.е. мы употребляем философские категории, выработанные и разъясненные немцами. Своих слов у нас для этого нет. <...> Чистые голые формы, от которых содержания несколько не зависит, можно заимствовать с полным правом. Поэтому философия, рассматриваемая с формальной стороны, как метода как приемы мысли, составляет такое же общее достояние, как и математика. Никак нельзя этого сказать о нашем расположении понимать политическую жизнь по французским или даже по английским образцам. Формы политической жизни тесно сливаются с самым содержанием, с историческою индивидуальностью народа, которому они принадлежат» [4].

Много лет терпеливо и настойчиво разъяснял Н.Н. Страхов необходимость и неизбежность развития национального самосознания, чаще всего возвращаясь к популярному спорному вопросу об ученичестве и подражательстве. Надо ли России учиться у Европы? Можем ли мы обустроить свою жизнь по западному образцу?

«Мы ученики Запада, в этом нет сомнения. Но люди, стоящие за прогресс и всяческое развитие... не хотят, чтобы мы когда-нибудь перестали быть учениками <...> Так в школе преследуется обидами и насмешками ученик, решившийся иметь свое мнение, независимое от того, чему учит любимый и уважаемый наставник. ...Этот спор все-таки составляет существеннейший и важнейший вопрос самой школы; ибо все учение напрасно, вся школа не имеет смысла, если ученикам суждено вечно оставаться учениками, если они никогда не дорастут до самостоятельности и зрелости. Собственно говоря, вопрос о нашей самобытной духовной жизни, о том отношении, в которое мы должны поставить себя к громадному и блистательному авторитету Европы, есть са-

мый существенный из наших вопросов. Он давно был поднимаем, принимал различные формы, постепенно зрел и раскрывался, и умереть и заглохнуть ему так же невозможно, как невозможно ребенку перестать расти, хотя этого иногда и желали бы некоторые чещур усердные педагоги» [5]. «Европейское просвещение, этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли, должно быть для нас побуждением и средством к такому сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов <...> Гоняясь за европейским просвещением большею частью из легкомыслия и тщеславия, мы забываем обязанность всякого разумного человека – быть самостоятельным в своих суждениях» [6].

Славянский вопрос в публицистике Н.Н. Стрхова стал поистине «роковым» испытанием – и по трудности его изложения, и по проблематичности разрешения, и по последствиям прямых подступов к нему Н.Н. Стрхова для жизни самого писателя. В результате публикации «Рокового вопроса» в разгар польского восстания 1863 г. под удар попал и остался без работы не только сам Н.Н. Стрхов, но рухнул весь успешный проект журнала «Время». С другой стороны, именно попытки разобраться в обстоятельствах этой печальной истории привели к сближению Н.Н. Стрхова с И.С. Аксаковым, к сотрудничеству с аксаковской «Русью», к искренней и глубоко содержательной переписке, из которой мы получаем уникальные сведения и признания Н.Н. Стрхова, каких нет и не могло появиться даже в его письмах к Л.Н. Толстому [См.: 7]. Именно для «Руси» написал Н.Н. Стрхов критический разбор «Французской статьи об Л.Н. Толстом» (1884) [см.: 8], в которой максимально ясно высказался о христианской основе русской народной нравственности и т.д. Отдельная тема – участие Стрхова в деятельности Славянского общества. Осмысление славянского вопроса у Н.Н. Стрхова предполагало интенсивный диалог, «совместное мышление» со своими старшими и младшими современниками. Целостность и открытость стрховских размышлений по славянскому вопросу была поучительной в свое время и до сих пор остается образцом ответственного философского мышления.

Список литературы: 1. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0390.shtml Дата обращения: 28.11.2012. 2. Стрхов Н.Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый. Изд. Н.Н. Стрхова. СПб., 1876. С. III–IV, VIII. 3. Стрхов Н.Н. Бедность нашей литературы (1868) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0070.shtml Дата обращения: 28.11.2012. 4. Стрхов Н.Н. Заметки летописца. «Эпоха». 1864. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml Дата обращения: 28.11.2012. 5. Стрхов Н.Н. Западничество и славянофильство // Стрхов Н.Н. Критические статьи (1861–1894). Том 2. Изд. И.П. Матченко. Киев, 1902. С. 156–157. 6. Стрхов Н.Н. Предисловие к первому изданию 13 января 1882 г. // Стрхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. первая. 2-е изд. СПб., 1887. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/1887_predislovie.shtml Дата обращения: 28.11.2012. 7. И.С. Аксаков – Н.Н. Стрхов : Переписка / переписку составила М.И. Щербакова. – Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН – Оттава, 2007. 8. Стрхов Н.Н. Французская статья об Л.Н. Толстом // Критические статьи об Тургеневе и Толстом (1862–1885). 2-е изд. СПб., 1887. С. 458–484.